

МАКСИМ РЕВИНСКИЙ (Москва)

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОПИСАНИЯ РЕЛЯЦИОННЫХ АФФИКСОВ
ГРАММАТИКАЛИЗАЦИОННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ
(НА ПРИМЕРЕ ИМЕННОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ)**

Накопленный обширный материал по сравнительно-исторической морфологии финно-угорских языков подлежит всесторонней систематизации. Несмотря на то, что грамматикализация — один из важнейших (если не самый важный) механизмов модификации систем словоизменения языка, понятие это трактуется неоднозначно. Между тем в финно-угорских языках данное явление не только сыграло едва ли не решающую роль при развитии именных парадигм на ранних стадиях функционирования языков, но и продолжает оказывать существенное влияние на переформирование систем именного словоизменения.

Грамматикализацией принято называть потерю словом (или словоформой) самостоятельного лексического значения и превращение такой десемантизированной лексической единицы в грамматический показатель; при этом случаи образования таким путем деривационных (словообразовательных) показателей также относят иногда к грамматикализации. Давая здесь определение грамматикализации и пользуясь им в дальнейшем, под словами «грамматический элемент» или «грамматический показатель» мы будем понимать только реляционные (словоизменяемые) элементы / показатели. Наиболее общее определение грамматикализации могло бы, на наш взгляд, выглядеть так:

Грамматикализацией называется процесс, в результате которого полная лексическая единица (слово / словоформа с собственным лексическим значением) преобразуется в грамматический показатель.

Исходя из этого определения, многие служебные слова (например, предлоги и послелогов) также можно отнести к грамматическим показателям в силу того, что их единственной функцией является выражение межсловных отношений. Вообще процесс грамматикализации можно рассматривать как состоящий из двух ступеней: на первой лексически полнозначная словоформа превращается в служебное слово (в частности, предлог или послелог), а на второй это служебное слово превращается в аффиксную морфему. В данной работе рассматриваются примеры обеих ступеней, поэтому нам представляется, что используемый здесь

термин «грамматикализация» наилучшим образом отражает суть рассматриваемого процесса. Часто же встречающиеся в работах по финно-угроведению термины «суффиксализация» или «агглютинация» описывают, на наш взгляд, лишь вторую ступень данного процесса.

Давно назрела необходимость теоретического описания процессов грамматикализации и их результатов в финно-угорских языках. Для этого, на наш взгляд, прежде всего следует 1) собрать сведения о форме и функционировании если не всех, то по крайней мере большинства возникших путем грамматикализации морфологических элементов; в частности, установить критерии, по которым тот или иной элемент считается грамматикализованной единицей; 2) выделить признаки, на основании которых возможно построение классификации случаев грамматикализации в финно-угорских языках, и построить классификацию; 3) исследовать продуктивность различных грамматикализационных типов, выделенных при построении классификации, по отдельным грамматическим категориям и подгруппам языков, попытаться установить частотность встречаемости грамматикализованных элементов в финно-угорских языках в целом и в различных подгруппах финно-угорской языковой группы.

1. Грамматикализация и финно-угорские языки

Важность процесса грамматикализации при формировании именных парадигм финно-угорских языков связана с наиболее древним, возводимым еще к уральскому праязыку способом выражения межсловных отношений, восстанавливаемым большинством уралистов: считается, что в уральском праязыке отношения между словами изначально не маркировались морфологически, а определялись порядком следования слов. В частности, для притяжательной конструкции в качестве связующего средства выступал следующий порядок: обладатель предшествует обладаемому. На наш взгляд, не следует исключать возможность сведения к процессам грамматикализации возникновения даже самых древних элементов финно-угорских словоизменительных систем. Так, в уралистике обычно реконструируется праязыковая система из восьми «первичных» падежей (Майтинская 1979). Вопрос о происхождении этих падежей, однако, остается открытым. Д. Фокош-Фукс писал, что по меньшей мере часть суффиксов древнейших падежей возникла из указательных местоимений, которые, не имея никаких формантов, первоначально выражали падежные отношения, а впоследствии обобщились в том или ином падежном значении (Fokos 1956). Б. А. Серебренников считал возможным возводить «первичные» падежные суффиксы к послелогам или постпозитивным артиклям местоименного происхождения. Таким образом, не исключено, что показатели «первичных» уральских падежей, рефлексy которых составляют ядро парадигмы любого финно-угорского языка, являются результатом грамматикализации местоимений.

Еще более заметен грамматикализационный характер возникновения показателей многих позднее выделившихся падежей. Ф. Ойнас делит все не восходящие к праязыку показатели финно-угорских падежей на две группы: образованные в результате «сплава» двух первичных суффиксов и образованные через постпозицию, т.е. в результате потери независимости словом, стоявшим в постпозиции к имени (Oinas 1961). Как видно из

данного нами определения, «образование через постпозицию» представляет собой грамматикализацию. Показатели второй группы проиллюстрированы в примерах 1.4 и 1.7, где, к тому же, новый показатель является «сплавом» показателя одного из «первичных» падежей и потерявшего независимость редуцированного фонетически слова, стоявшего в постпозиции к именной словоформе такого падежа.

Другой пример касается возникновения показателей множественности **-n* и **-t*, также считающихся прауральскими: хотя практически все финно-угроведы согласны с тем, что **-n* и **-t* восходят к прафинно-угорскому или даже к прауральскому языкам, ясного ответа на вопрос об их происхождении нет. Так, Д. В. Бубрих (1955) полагал, что по своему происхождению *t*-овый показатель множественного числа представлял собой имя с собирательным значением и что в древности формант **-t* воспринимался как признак собирательной множественности. *n*-овый суффикс множественного числа тоже часто возводят к древнему указательному местоимению множественного числа **-n* + вокалический элемент (Цыганкин 1977—1978), представленному и в современных языках, ср. фин. *ne* 'они, эти, те', эст. *need* 'они, эти', комиП *niä* 'они, те'. Ю. Фаркаш возводит **-n* (как и **-t*) к указательному местоимению, применявшемуся для выделения определения (прежде всего посессивного), впоследствии превратившегося в формант генитива, + лично-притяжательный суффикс, оформляющий множественное число обладаемого (Farkas 1954).

Итак, существуют попытки возводить к полнзначным лексическим единицам даже наиболее древние, «первичные» уральские форманты, т.е. речь идет о грамматикализации, происходившей на ранних стадиях развития языка. Есть попытки объяснить возникновение таких «первичных» формантов суффиксацией словообразовательных суффиксов, где грамматикализация — вполне обычное явление. Однако окончательно не ясно, является ли образование таких «первичных» формантов фактом истории уральских языков как уже отдельной языковой общности, или же возникновение (или как минимум многих из них) относится к более ранним фазам языковой истории, например к периоду ностратической общности. Например, с большой вероятностью можно считать, что к ностратической эпохе относится возникновение (опять же посредством грамматикализации!) показателей определенности и лично-притяжательности, функционирующих в языках финно-угорской группы.

Всего исследованием охвачено 18 языков пяти подгрупп финно-угорской группы и их многочисленные диалекты и говоры. Разумеется, в рамках статьи невозможно описать все полученные результаты, поэтому придется ограничиться рядом примеров, иллюстрирующих теоретические выводы.

1.1. Показатель множественного числа существительных в пермских языках

Морфема множественного числа существительных пермских языков *-jez/-jas/-jos* (огласовка варьирует по диалектам) возводится либо к общеперм. *iez* 'люди, народ', употребляющемуся в соответствующих фонетических вариантах в современных пермских языках (Лыткин 1931 : 107—109; Budenz 1890—1892; Rédei 1963 : 374), либо к хант. *ja* 'люди' (Uotila

1933; Ravila 1941 : 94—95, 99—101). И в том, и в другом случае очевиден процесс грамматикализации лексически однозначного слова, причем само слово продолжает функционировать с исходным лексическим значением.

Суффикс множественного числа в пермских языках (особенно это заметно в диалектных формах) претерпевает ряд морфонологических изменений, формально все более удаляясь от «породившего» его слова:

1) Ассимиляция *-j-* по конечному согласному основы в словах с основой на мягкий согласный: комиЗ *köč* 'заяц' — *köččes* 'зайцы' (удорский диалект) (Баталова 1982); *juś* 'лебедь' — *juśśas* 'лебеди' (лузско-летский диалект) (Жилина 1985); удм. *nil'* 'девочка' — *nillos* 'девочки' (средне-южный диалект) (Кельмаков 1981).

2) В диалектах удмуртского языка *-j-* выпадает в словах с основой на гласный: *vi* 'вода' — *viuos* 'воды', *tj* 'озеро' — *tjos* 'озера' (средне-южный диалект) (Образцы 1982).

3) В диалектах коми-пермяцкого языка общепермский суффикс множественного числа претерпел наибольшие изменения. Кроме практически повсеместного выпадения *-j-*, в ряде диалектов отмечено ослабление конечного *-z* и даже полное его отпадение, т.е. фактически показателем множественности для имен стал *-e*: *-rakaež* 'вороны', *sumtež* 'шумы' (большекочинский говор); *kerkue* 'дома', *vörre* 'леса' (пелымский говор) (Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980). Таким образом, суффикс множественного числа имен существительных в диалектах пермских языков может подвергаться следующим трансформациям: комиП *-jez* > *-ez* > *-ež* > *-e*; удм. *-jos* > *-os/-Cos*; комиЗ *-jas* > *-as/Cas*; где *C'* — мягкий конечный согласный основы.

1.2. Серия послелогов *päällä, päälle, päältä* в финском языке

Хотя послелогов и не входят в парадигму склонения имени существительного, они, несомненно, не являются лексически однозначными словами, а служат лишь для выражения грамматических отношений между другими словами, и, следовательно, должны быть отнесены к грамматическим элементам.

Серия послелогов *päällä, päälle, päältä* представляет собой три застывшие падежные формы существительного *pää* 'голова': *päällä* 'на, над' (где?) < *pää* + *llä* (адессив) 'у, около головы'; *päälle* 'на' (куда?) < *pää* + *lle* (аллатив) 'к голове'; *päältä* 'с' (откуда?) < *pää* + *ltä* (аблатив) 'от головы'.

В данном примере падежные формы слова *pää* стали маркировать грамматические отношения, «выпав» из парадигмы склонения. Вместо адессивной, аллативной и аблативной словоформ лексемы *pää* употребляются послеложные конструкции типа *pään päällä* 'голова (генитив)' + 'над'.

1.3. Финские послелогов / предлоги *ympäri* и *kesken*; марийский послелог *ончылчо*

Как и многие другие послелогов (и предлоги) финно-угорских языков, фин. *ympäri* 'вокруг' и *kesken* 'в середине, между' и мар. *ончылчо* 'перед' произошли от наречий (которые, в свою очередь, зачастую представляют

собой застывшие падежные словоформы имен). Сами эти наречия продолжают функционировать в языках в качестве лексически самостоятельных слов (и при этом в большинстве случаев послелог и «породившее» его наречие формально омонимичны): фин. послелог / предлог *ympäri* 'вокруг' < наречие *ympäri(llä)* 'вокруг'; послелог / предлог *kesken* 'в середине, между' < наречие *kesken* 'посреди, между, тем временем' < существительное *keski* 'середина'; мар. послелог *ончылчо* 'перед' < наречие *ончылчо* 'впереди'. Ср. фин. *Matka vei ympäri* (предлог) *pitkan niemen* 'Дорога вела вокруг длинного мыса' — *Teki mieli juoksennella puiden ympäri* (послелог) 'Хотелось бегать вокруг деревьев' — *Ympäri(llä)* (наречие) *kerääntyä paljon vieraita* 'Вокруг собралось много гостей'; *Ellin täytyi kesken* (предлог) *syöntinsä nousta* 'Элли надо было вставать во время еды' — *Kesken* (наречие) *naapurimme tuli* 'Тем временем пришел сосед'; мар. *Капка ончылчо* (послелог) *имне шога* 'У ворот стоит лошадь' — *Ончылчо* (наречие) *тул коеш* 'Впереди виднеется огонек'.

1.4. «Новый» суффикс комитатива в финно-угорских языках

Старый комитатив на *-ne/-ñe* встречается во многих финно-угорских языках в единичных случаях: вепс. *kiñe siñä pagized?* 'с кем ты говоришь?'. Практически во всех прибалтийско-финских языках возник новый комитативный показатель, развившийся из послелога *kerä* < *kerä* 'товарищ'. При этом могла происходить ассимиляция генитивного *-n*, например, кар. *-ñke(r)* < *-n* (из генитива) + *kerä*: *отанке тиагойке* 'со своей матерью' (тихвинский говор собственно-карельского диалекта) (Рягоев 1977), *eläu häi tüttaridenker* 'живет вместе с дочерьми' (людиковский диалект) (Баранцев 1978). Подобный комитативный суффикс развился в большинстве прибалтийско-финских языков: вепс. *-(n)ke/- (n)ka* (Зайцева 1981), иж. *-ka* (Лаанест 1966), вод. *-ka* (Ariste 1968), эст. *-ga* (Tauli 1974), лив. *-k* (Laanest 1975 : 35, 111). В саамском языке новый суффикс комитатива сформировался путем грамматикализации слова *guimbe* (ср. фин. *kaima*) 'тезка, товарищ' > *-icuim/-kuioime/-guim*: *giedaicuim* 'руками' (Основы 1974).

1.5. Серии «приблизительно-местных» и «поверхностно-местных» падежей в диалектах коми-пермяцкого языка

В литературном коми-пермяцком языке насчитывается 17 падежей, однако в диалектах их больше из-за развития системы местных падежей.

1.5.1 «Приблизительно-местные» падежи (терминология наша)

Показатели этой серии образовались из серийных послелогов с основами *djn-* и *ord-*:

1. Аппроксиматив-эссив: *дын* < *ордын/дынын* 'у, около чего/кого',
2. Аппроксиматив-латив: *-дө* < *ордө/дынө* 'к чему/кому',
3. Аппроксиматив-аблатив: *-дись* < *ордись/дынись* 'от чего/кого',
4. Аппроксиматив-пролатив: *-доть* < *ордоть/дыноть* 'мимо чего/кого',
5. Аппроксиматив-терминатив: *-дөдз* < *ордөдз/дынөдз* 'до чего/кого, к чему/кому',

В оньковских и некоторых нижеиньвенских говорах такие форманты широко употребляются с личными местоимениями: *мияндын* 'у нас, около нас', *мияндө* 'к нам', *мияндісь* 'от нас', *мияндөть* 'около нас' [наверное, все же 'мимо нас'], *мияндөдз* 'до нас / к нам', *миандісь мунісь* 'от нас ушел'; *тиандын кежис* 'к вам зашел' *вөрдөдз котортисө* 'до леса бежали' (Баталова 1975). Последний пример иллюстрирует присоединение нового форманта к существительному. Возможно (коми-пермяцкие данные подтверждают это), все новые падежные форманты сначала употребляются только с местоимениями, а затем охватывают и существительные.

В других говорах коми-пермяцкого языка, как и в литературном языке, употребляются послелого с основами *djn-* и *ord-* (Баталова 1975), кроме *djn* > *-djn*; суффикс *-djn* встречается во всех диалектах: доеговский говор: *гортдын уджаө* 'около дома работает', *мияндын абу* 'у нас нет', *дервняднөть* 'мимо деревни'; средне-иньвенский говор: *черьяоны тэдын* 'кружатся около тебя' (ср. лит. *тэ дынын*); верхнекамские говоры: *эстөн эд гортдін* 'здесь ведь близко к дому'; кочевский диалект: *камидын* 'у Камы', *куканнесдын* '(около) телят'; пуксибский говор: *складдын олісда* 'работал на складе (у склада)', но с одушевленными существительными в этом говоре используется послелог *дынын*: *өрин дынын* 'у Ирины'.

Подобная серия из трех падежей имеется и в венгерском языке.

1.5.2. «Поверхностно-местные» падежи

Серия внешнеместных падежей, которые показывают отношение к поверхности предмета, развилась из серии послелогов с основой *vjl-* (< *vjl* 'поверхность').

В диалектах южного наречия (кроме тиминского) образовалась система из пяти новых падежных форм:

1. Супер-эссив: *-лын/-вын* < *вылын* 'на ком/чем',
2. Супер-латив: *-лө/-вө* < *вылө* 'на что/кого',
3. Супер-аблатив: *-лісь/-вісь* < *вылісь* 'с чего/кого',
4. Супер-пролатив: *-лөть/-вөть* < *вылөть* 'по чему/кому',
5. Супер-терминатив: *-лөдз/-вөдз* < *вылөдз* 'до поверхности чего; до чего/кого'.

Как и в южных *v*-овых диалектах, в нердвинском *l*-овом послелого с основой *vjl* трансформировались в форманты *-лын*, *-лө*, *-лісь*, *-лөть*, *-лөдз*: *отик яйлын да черилын олөн* 'на одном мясе и рыбе живут'; *полянкалө орсны мунамө* 'на полянку играть идем'; *тэ көть меллө эн видзөт* 'ты хоть на меня не смотри' и т.д. В нердвинском диалекте, однако, встречаются и полные формы послелогов: *ыб вылын уджалісө* 'на поле работали'; *мыс вылас кайөтісө* 'на пригорок отвели'.

В оньковском диалекте система состоит из шести падежей (добавляется терминатив со значением 'до какой поверхности', часто в вертикальной плоскости). Наблюдается тенденция к унификации суффиксов данной серии у существительных с основой на гласный по аналогии с существительными с основой на согласный (часто отсутствует обычное для коми-пермяцкого языка удвоение начального согласного

суффикса после основы на гласный): *валлын/валын* 'на воде'; *валлӧ/валӧ* 'на воду'; *валлӱсь/валӱсь* 'с воды'; *валлӧть/валӧть* 'по воде'; *валлӧдз/валӧдз* 'до поверхности воды'; *валлі/валі* 'до воды'. Происходит совпадение падежных окончаний в дативе-аллативе, супер-аллативе и супер-аблативе: *юрлӱсь* 'у головы' = 'с головы', *голялӱсь* 'у шеи' = 'с шеи', *юрлӧ* 'голове' = 'на голову', *голялӧ* 'шее' = 'на шею'.

В тиминском диалекте система поверхностно-местных падежей только оформляется. По данным Р. М. Баталовой (1975), существует два оформившихся падежа: супер-адессив (-*вын*) и супер-аллатив (-*вӧ*): *шейсьят девятойвӧ муні* 'мне 69-й год', *турниквын бергаӧны* 'вертятся на турнике'. В остальных случаях используются конструкции с послелогоми: *ыб выӧть* 'по полю'; *ыб выись* 'с поля' и т.д. В доеговском говоре, наоборот, не зафиксировано случаев употребления послелогов с основой *vjl-*. Здесь из них образовались четыре падежных форманта: -*вын* (супер-адессив): *вӧрвын* 'над лесом'; -*вӧ* (супер-аллатив): *посвӧ* 'на мост'; -*вись* (супер-аблатив): *кӧзвись* 'с ели'; -*вӧть* (супер-пролатив): *ту-йвӧть* 'по дороге'.

В южных диалектах процесс формирования системы поверхностно-местных падежей в основном завершен. По данным Р. М. Баталовой, он интенсивно развивается в кочевском, большекочинском и пелымском говорах северной диалектной зоны, где сравнительно редко встречаются послелого с основой *vjl-*, в большинстве случаев грамматикализовавшиеся до аффиксов. Более часты послеложные формы в юкеевском и чазевском говорах. Далее к северу — в нижнекосинском, левичанском, пуксибском и чураковском говорах — соотношение в речи послелогов с основой *vjl-* и образовавшихся из них падежных формантов на момент исследований Р. М. Баталовой составило 50% на 50% (Баталова 1975).

В самых северных верх-лупьинском и верхнекамском говорах процесс формирования падежных показателей находится в развитии. Встречаются «промежуточные» формы, в которых количественная редукция не завершена: *эта книгаылӧ* 'эту книгу' (-*ылӧ* вместо -*лӧ*); *леманылын олім* 'мы на Лемане живем' (-*ылын* вместо -*лын*); *диванылӱсь усис* 'упал с дивана' (-*ылӱсь* вместо -*лӱсь*); *леманылӧдз тасянь ылынокдӧ* 'до Лемана отсюда далекоовато' (-*ылӧдз* вместо -*лӧдз*).

В связи с формированием системы поверхностно-местных падежей в северных говорах коми-пермяцкого языка можно ожидать «перебрасывания» данного процесса и на южные диалекты. (Нами не обнаружено упоминаний о подобных явлениях в коми-зырянском языке у Р. М. Баталовой и других исследователей).

Ранее процесс образования поверхностно-местной серии падежей в *v*-овых диалектах коми-пермяцкого языка объясняли чисто фонетическими причинами, так как после перехода *l > v* получалось *vjljn > vjvjn > vjjn > vjn* и т.д. Однако в северных *l*-овых диалектах, где перехода не было, идет тот же процесс. Это можно объяснить аналогией с южными диалектами, хотя, по-видимому, кроме аналогии, дело еще и в тенденции к более экономному выражению местных отношений (в данном случае — по отношению к поверхности предмета). Вероятно, в северных коми-пермяцких диалектах редукция шла за

счет выпадения начального *v*-, после чего происходило сокращение слогов (см. выше формы типа *-ылись*, *-ылӧдз* и т.д.).

Подобная серия из трех падежей (аналогичного образования) — супер-эссива, сублатива и делатива — имеется в венгерском языке.

1.6. Эгрессив и аппроксиматив в карельском и вепском языках

1.6.1. Аппроксиматив

Аппроксиматив обозначает движение по направлению к предмету или нахождение вблизи предмета. Вепские показатели *-nõu/-nou/-lou/-пол* (аппроксиматив I), *-loks/-noks* (аппроксиматив II) и т.д. возникли на основе послелого *luo/luoda* 'к, около'. Наиболее отчетливо аппроксиматив сформировался в южновепском диалекте: *deřunannu ol'i za-pol'k* 'у деревни было заполье', *lämeinno kod'i* 'около огня дом'.

Аппроксиматив II, как правило, выражает движение в направлении предмета: *šijžutan šijnaloks* 'я поставлю к стене', *řeboi tul'i pertžennoks* 'лиса пришла к домику', *mest tul'i inkalest* 'опять она подошла к окну'. Однако в северновепском диалекте при отсутствии аппроксиматива II движение по направлению к чему-либо выражается аппроксимативом I: *tūd'he dögenno* 'пришли к реке' (Зайцева, Муллонен 1969). Как и в северновепском диалекте, в карельском языке аппроксиматив может обозначать как движение в направлении лица / предмета, так и нахождение около него.

В тверских говорах собственно-карельского диалекта показатель *-llu/-llü/-lluh/-lua/-llüä < l* (ассимилированный *-n* генитива) + *luo* 'к'.

Наиболее полное развитие аппроксиматив получил в зубцовском говоре: *enžištah ajelemma tütöll'üöh* 'сначала ездим к девушке', *heit'ti näidä tüt'töizie kül'äll'üö* 'оставил этих двух девочек около деревни' (Макаров 1963).

В ливвиковском диалекте показатель *-lluo/-llüö/-llua/-llüä*: *suomelažet hänellüö kävväh juomah* 'финны к нему ходят выпивать', *algav briha kävvä tütöllüä* 'начнет парень ходить к девушке', *mäni kagrupai-kallua* 'иди к овсяному полю' (Макаров, Рягоев 1969).

1.6.2. Эгрессив

Эгрессив, обозначая движение в неопределенную сторону от предмета, составляет вместе с аппроксимативом серию падежей, являющихся как бы еще более «внешними», чем внешнеместные аллатив, адессив, аблатив. Однако на самом деле границу между употреблением аллатива и аппроксиматива II, адессива и аппроксиматива I, аблатива и эгрессива провести сложно, если вообще возможно (т.е. неясно, по какому принципу носители языка выбирают падеж той или иной серии).

Показатель эгрессива в вепском языке *-лорäi/-нпурäi/-лонрä/-лотрä* и т.д. < послелого типа *luo* + послелог *päin*: *i mest lähteб janiš miniloprä* 'и опять уйдет заяц от меня', *hö bašit'he mit' mitta mat-siloprä* 'они говорили, как уйти от матери' (Зайцева, Муллонен 1969).

Как и вепский, карельский эгрессив малоупотребителен, заменяется аблативом или элативом. Формант *-ldu/-ldü/-ldua/-ldüä < luoda* 'от'

изредка употребляется в зубцовском говоре собственно-карельского диалекта: *mečal'dü* 'от леса', *kavioldu* 'от колодца' (Макаров 1963).

О смешении значений, передаваемых эггессивом и аблативом, говорит и тот факт, что при малоупотребительности эггессива он может замещаться аблативом, а иногда даже элативом (т.е. внутреннеместным падежом).

1.7. Восстановление систем внутренне- и внешнеместных падежей в карельском и вепском языках

В двух карельских диалектах — ливвиковском и людиковском, а также в вепском языке в процессе перестройки падежной системы элатив совпал по форме с инессивом, а аблатив — с адессивом. Таким образом, традиционная система внешне- и внутреннеместных падежей карельских диалектов описывается следующим образом:

	собственно-карельский	людиковский	ливвиковский
адессив	-lla	-l	-l
аллатив	-lla	-le	-le
аблатив	-lda	-l + послелог <i>piäi</i>	-l + послелог <i>päi</i>
инессив	-šša	-s	-s
иллатив	-h	-h	-h
элатив	-šta	-s + послелог <i>piäi</i>	-s + послелог <i>päi</i>

Формальное совпадение в собственно-карельском диалекте адессива с аллативом избегается обычно употреблением аппроксиматива в значении аллатива.

Что касается элатива и аблатива в людиковском и ливвиковском диалектах, то мы считаем, что ситуация в этих диалектах абсолютно аналогична ситуации в вепском языке, где образовались новые форманты для элатива и аблатива. Можно описать два новых падежных форманта, традиционно считавшихся послеложными конструкциями в системах склонения для этих диалектов.

1.7.1. Карельский язык

1.7.1.1. Элатив

Старый формант совпал с формантом инессива. Путем грамматикализации из послеложной конструкции возник новый показатель.

Ливвиковский диалект: новый показатель *-späi* < *-s* инессива-элатива + *päi* < *päin*: *nagrehet markaspäi otommo* 'репу из кучи берем', *iče rubiet normua lawkaspäi suamah* 'а сама будешь получать паек из магазина', *suotespäi häi konzu petrogradah* 'когда он из Финляндии приехал в Петроград' (Макаров, Рягоев 1969).

Людиковский диалект: *-spiäi* < *-s*- инессива-элатива + *piäi* < *päin*: *trubaspäi se tuli moine* 'через трубу, говорит, вошла'; *luba totka vie kodih tuli akuaciospiäi* 'тетка Люба домой вернулась из эвакуации' (Баранцев 1978).

1.7.1.2. Аблатив

Старый формант аблатива совпал с формантом адессива. Новый формант возник из послеложной конструкции.

Ливвиковский диалект: новый формант *-lpäi* < *-l* адессива-аблатива + *päi* < *päin*: *pellolpäi ol'i riatuttai meli* 'из Лодейного Поля был у нас уполномоченный', *konzu minä tul'in kodih päčülpäi* 'когда я пришла домой из Печной Сельги' (Макаров, Рягоев 1969).

Людиковский диалект: *-lpäi* < *-l* адессива-аблатива + *päi* < *päin*: *tuamat tuatot Petrouskouilpäi gostih tulivat* 'мать и отец из Петрозаводска приехали в гости', *a vie pidäv mändä Ližmilpäi on Palateždärved* 'а за Пижмой еще есть Палатозеро' (Баранцев 1978).

Обращает на себя внимание тот факт, что приведенные примеры фиксируют употребление аблатива только с названиями местностей и населенных пунктов.

1.7.2. Вепсский язык

В вепсском языке (как и в карельском) можно отметить «восстановление» трехчленных серий внешне- и внутреннеместных падежей за счет образования из послеложных конструкций новых формантов для элатива и аблатива. В вепсском языке элатив формально совпал с инессивом, а аблатив — с адессивом. Отношения, выражаемые элативом и аблативом, передавались с помощью послеложных конструкций (имя соответственно в инессиве / адессиве + послелог *päin*), затем эти конструкции дали новые падежные формы имени для элатива / аблатива.

Послелог *päin* редуцировался в *-päi/-pei/-pā* и т.д.

1.7.2.1. Элатив

Новый формант элатива *-späi* (*-s-* возник из инессива): *ühtiägi tull'i kändihe gögensuspäi* 'вдруг ветер подул от устья реки', *vedespä otava* 'из воды берут', *paimnen truban tehtas sarvespäi i tohespäi* 'пастуший рожок делают из рога и бересты', *astundaspei göudat kibištav* 'от ходьбы ноги болят'. В случаях, где нет явного значения исходности, сохранился старый элатив: *hän oti kädēs* 'он взял за руку' (Зайцева, Муллонен 1969).

1.7.2.2. Аблатив

Появились новые форманты аблатива: *-lpäi/-lpäi/-uräi* (*-л-/-l-/-u-* возникли из адессива): *hän ažno hüppäht'i šijourpei* 'он даже прыгнул с места', *jäniželpäi mēd'aldoil' randha kandej* 'с Онежского озера нас волны на берег вынесли', *ta mechudūpā ajoj* 'я ехал с охоты', *saij kirgäižen poigauräi* 'получил письмо от сына' (Зайцева, Муллонен 1969).

2. Классификация случаев грамматикализации

Данное нами определение грамматикализации и рассмотренные примеры позволяют представить теоретическое распределение случаев грамматикализации по нескольким признакам. Эти признаки касаются не

собственно процессов грамматикализации, внутренний механизм которой изучен недостаточно, а результатов — грамматических показателей и соотношения последних с исходными единицами — лексически наполненными словами и словоформами. Следует оговориться, что вводимая классификация является лишь одной из первых попыток систематизации случаев грамматикализации для финно-угорских языков, признаки подбирались во многом интуитивно, с одной стороны, среди них могут оказаться нерелевантные, с другой, какие-то важные признаки могли и не попасть в классификацию. Мы надеемся, что данная классификация послужит основой, модифицируя и корректируя которую, удастся создать более развернутую и точную классификацию случаев грамматикализации не только в финно-угорских, но и в других языках. Целесообразно выделение трех основных классификационных признаков.

2.1. Соотношение исходной словоформы с результатом грамматикализации

Значение признака.

- а. Лексически самостоятельная словоформа, к которой возводится новый грамматический элемент. Продолжает функционировать в языке в своем исходном лексическом значении, т.е. мы имеем дело с параллельным функционированием исходного и результирующего элементов.
- б. Лексически самостоятельная словоформа трансформировалась в грамматический показатель и перестала свободно функционировать в языке (параллельное функционирование отсутствует).

2.2. Степень «грамматичности» результата грамматикализации

Значение признака.

- а. Результат грамматикализации — служебное слово, утратившее собственное лексическое значение, но сохранившее формальную независимость и не перешедшее в аффикс (первая ступень грамматикализации).
- б. Результат грамматикализации — аффикс, более «грамматичная» по сравнению со служебным словом единица (вторая ступень грамматикализации).

Само собой разумеется, что с течением времени отдельные представители типа 2а (прошедшие первую ступень грамматикализации) могут «перебираться» в тип 2б. В общем случае тип 2а отражает более раннюю и менее завершенную ступень грамматикализации. Случай 2б может быть разбит по следующему признаку.

2.3. Место результата грамматикализации в системе словоизменения

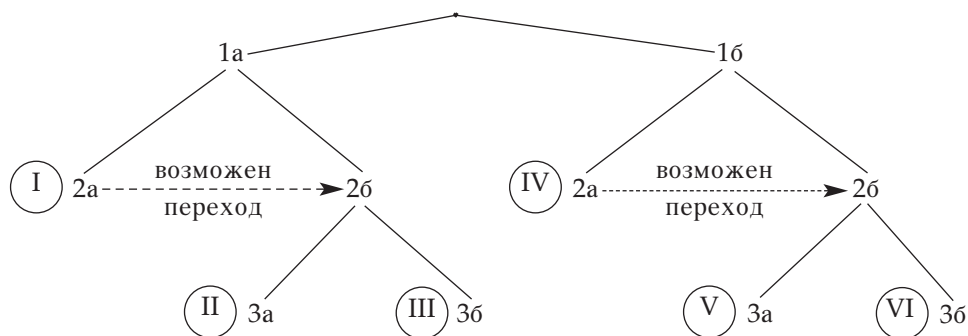
Значения признака.

- а. Новый показатель занимает уже существующую клетку в парадигме. (При этом возможны три частных случая: новый показатель «делит» клетку со старым; новый показатель постепенно вытесняет старый;

при более раннем исчезновении старого показателя новый показатель заполняет «опустевшую» клетку).

б. При возникновении нового показателя требуется введение для него новой клетки в парадигме.

Таким образом, в результате разбиения случаев грамматикализации по трем вышеуказанным признакам получаем следующее дерево с шестью терминальными типами:

Все выделенные шесть типов встречаются в финно-угорских языках. В таблице описываются эти терминальные типы и приводятся примеры случаев грамматикализации, соответствующих каждому из них.

Тип	Описание	Пример
I	Служебное слово функционирует параллельно с исходной словоформой	Послелого, имеющие омонимы среди наречий (пример 1.3)
II	Аффикс в существующей клетке парадигмы, функционирующий параллельно с исходной словоформой	Суффикс мн.ч. в пермских языках (пример 1.1)
III	Аффикс, требующий новой клетки в парадигме, функционирующий параллельно с исходной словоформой	Приблизительно-местные и поверхностно-местные падежи в коми-пермяцком языке (пример 1.5)
IV	Служебное слово без параллельного функционирования исходной словоформы	Послелого, не имеющие омонимов среди наречий (пример 1.2)
V	Аффикс в старой клетке парадигмы, без параллельного функционирования исходной словоформы	Форманты комитатива в прибалтийско-финских языках (пример 1.4)
VI	Аффикс, требующий введения новой клетки, без параллельного функционирования	Форманты эгрессива и аппроксиматива в вепсском и карельском языках (пример 1.6)

3. Продуктивность различных типов грамматикализации

Используя приведенную классификационную схему, нам удалось выявить следующие закономерности, касающиеся продуктивности выделяемых нами типов. Описанные шесть типов могут быть разделены на две группы — более продуктивные и менее продуктивные.

Более продуктивны типы с образованием аффиксальных элементов (II, III, V, VI). Будучи продуктивными в прошлом (образование показателей множественного числа в пермских и марийском языках — II и V, ряда падежей венгерского языка — III и VI), они остаются таковыми и в настоящее время (серии местных падежей в коми-пермяцком, отдельные местные падежи в вепсском и карельском языках). При этом практически всегда, когда речь идет о возникновении нового падежного форманта, мы сталкиваемся не с одним процессом грамматикализации, а с цепочкой из двух процессов — сначала идет образование послелогов по типам I и IV, а затем из этих послелогов путем редукции возникают новые падежные форманты по типам II, III, V и VI.

Если в более ранние периоды истории финно-угорских языков соотношение между типами II, V и III, VI (т.е. по признаку 3) складывалось в пользу типов III и VI (образование новых значений граммемы падежа), то на современном этапе наблюдается примерно равновесное состояние. Это связано с тем, что кроме образования новых падежей (яркий пример — серии поверхностно- и приблизительно-местных падежей в коми-пермяцком языке) идет и постепенное восстановление разрушающихся систем внешне- и внутреннеместных падежей. Когда выходит из употребления формант местного падежа, маркируемые им отношения, как правило, начинают передаваться послеложной конструкцией, что в свою очередь может вести к постепенному образованию нового форманта для выражения данного падежного отношения.

Так, в частности, происходит восстановление трехчленных серий внешне- и внутреннеместных падежей в карельском и вепсском языках (см. 1.7). В прибалтийско-финских и саамском языках мы сталкиваемся и с примером постепенного замещения старого падежного форманта новым: почти повсеместно новые комитативные суффиксы, произошедшие из послелогов *kerä* и *kanz* (*kanssa*), заместили старый суффикс *-ine/-ne*.

Менее продуктивны в настоящее время типы I и IV, т.е. случаи образования служебных слов. Подавляющее большинство предлогов и послелогов финно-угорских языков возникло на более ранних стадиях развития этих языков из различных падежных форм имени. В настоящее время, как отмечалось выше, более продуктивны процессы возникновения из послелогов новых падежных формантов за счет дальнейшей грамматикализации.

Продуктивность различных типов грамматикализации по словоизменительным категориям показана в таблице.

Тип	лично-притяжательность	определенность	число	падеж
I	—	+	—	+
II	—	—	+	+
III	+	+	—	+
IV	—	—	—	+
V	—	—	+	+
VI	—	—	—	+

+ — зафиксированы случаи образования показателей данной категории по данному типу (в том числе служебных слов, передающих значения граммем аналитически).
 — — не зафиксированы.

Как уже отмечалось, может быть, неправомерно рассматривать образование показателей лично-притяжательности и определенности как факт истории финно-угорских и даже уральских языков, хотя грамматикализационный характер этого процесса представляется нам очевидным.

Таким образом, наиболее широко представлен по категориям тип III — образование аффикса как маркера новой, не существовавшей ранее граммы, при параллельном функционировании в языке словоформы, от которой этот аффикс произошел. Данный тип является, судя по всему, и самым древним типом грамматикализации в финно-угорских языках. Максимальное количество типов грамматикализации представлено среди показателей категории падежа.

4. Частотность грамматикализованных элементов в финно-угорских языках

Для выяснения частотности употребления элементов грамматикализационного происхождения использованы тексты, приведенные в Основы 1974, которые представляют собой перевод на различные финно-угорские языки специально составленного на русском языке текста. Нами было взято по одному тексту для четырех подгрупп финно-угорской группы — текст на людиковском диалекте карельского языка (прибалтийско-финская подгруппа), на горномарийском языке (волжская подгруппа), на коми-пермяцком языке (пермская подгруппа) и на венгерском языке (угорская подгруппа).

Подсчет производился следующим образом: сначала вычислялось отношение количества служебных слов, возникших путем грамматикализации и выражающих аналитически значения рассматриваемых грамматических категорий (т.е. количества предлогов / послелогов и артиклей), к общему количеству слов в тексте, данный показатель считался частотностью аналитических грамматикализованных элементов. Затем определялось отношение количества зафиксированных в тексте именных словоизменительных морфем, появившихся в результате грамматикализации, к количеству слов текста, изменяющихся по именному типу (т.е. существительных, прилагательных, числительных и разнообразных местоимений). Этот показатель принят как коэффициент частотности аффиксальных грамматикализованных словоизменительных элементов.

Получены следующие соотношения.

По людиковскому диалекту карельского языка: для служебных слов — приблизительно 3,5% (16 послелогов и предлогов на 463 слова в тексте), для аффиксов — приблизительно 5% (16 аффиксов грамматикализационного происхождения на 313 имен в тексте).

По коми-пермяцкому языку: для служебных слов — приблизительно 4,8% (23 и 475), для аффиксов — приблизительно 19% (60 и 316). В диалектах, однако, некоторые послелогов уже перешли в падежные форманты, и соотношение оказалось иным — 3,2% (15 и 475) для служебных слов, 21% (68 и 322) для аффиксов.

По горномарийскому языку: для служебных слов — приблизительно 6% (28 и 475), для аффиксов — приблизительно 18,5% (58 и 313).

Как и в коми-пермяцком языке, ситуация в диалектах «сдвинута» в сторону аффиксов: 3,8% (18 и 475) для служебных слов, 21% (68 и 320) для аффиксов.

По венгерскому языку: для служебных слов — 16% (79 и 489) (большая часть из них — за счет артиклей), для аффиксов — 17% (48 и 287).

В карельском языке среди аффиксов преобладают морфемы падежей, в венгерском — лично-притяжательные и падежные морфемы, в горномарийском и коми-пермяцком языках — морфемы числа и лично-притяжательности. В среднем по четырем языкам частотность послелогов / артиклей — 6,2%, грамматикализованных аффиксов — 17%. Таким образом, грамматикализация играет важную роль в формировании систем финно-угорского именного словоизменения.

Полученные результаты рассматриваются нами как один из первых шагов в системном изучении явления грамматикализации в финно-угорских языках. Нам представляется, что всестороннее описание данного явления, играющего важную роль в процессе развития языка, поможет решить многие спорные вопросы не только финно-угроведения, но и общей морфологии и типологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранцев А. П. 1978, Образцы людиковской речи, Петрозаводск.
Баталова Р. М. 1975, Коми-пермяцкая диалектология, Москва.
— 1982, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми), Москва.
Бубрих Д. В. 1955, Историческая морфология финского языка, Москва—Ленинград.
Жилина Т. И. 1985, Лузско-летский диалект коми языка, Москва.
Зайцева М. И. 1981, Грамматика вепсского языка Ленинград.
Зайцева М. И., Муллонен М. И. 1969, Образцы вепсской речи, Ленинград.
Кельмаков В. К. 1981, Образцы удмуртской речи, Ижевск.
Кривошекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. 1980, Коми-пермяцкие говоры, Пермь.
Лаанест А. 1966, Ижорские диалекты, Таллин.
Лыткин В. И. 1931, К происхождению суффикса множественного числа *vos* в удмуртском языке. — На удмуртские темы, Москва (Ученые записки научно-исследовательского института народов Советского Востока, вып. 2), 107—109.
Майтинская К. Е. 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
Макаров Г. Н. 1963, Образцы карельской речи. Калининские говоры, Москва—Ленинград.
Макаров Г. Н., Рягоев В. Д. 1969, Образцы карельской речи. Говоры ливвиковского диалекта, Ленинград.
Образцы речи удмуртского языка, Ижевск 1982.
Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974.
Рягоев В. Д. 1977, Тихвинские говоры карельского языка, Ленинград.
Цыганкин Д. В. 1977—1978, Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка, Саранск.
Ariste, P. 1968, A Grammar of The Votic Language, Bloomington.
Buden, J. 1890—1892, Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana. — NyK 22, 377—403, 417—440.
Farkas, J. 1954, Bemerkungen zu der ungarischen historischen Formenlehre III. — UAJb. 26, 37—60.

- F o k o s, D. 1956, A névragozás történetéből. — NyK LVIII, 59—95.
L a a n e s t, A. 1975, Sissejuhatus läänemeresoome keeltesse, Tallinn.
O i n a s, F. 1961, The Development of Some Propositional Cases in Balto-Finnic Languages, Helsinki (MSFOu 123).
R a v i l a, P. 1941, Über die Verwendung der Numeruszeichen in der uralischen Sprachen. — FUF XXVII, 1—136.
R é d é i, K. 1963, A zürjén *jas* stb. és a votják *jos* töböbesjel eredetéhez. — NyK LXV, 374—375.
T a u l i, V. 1974, Standard Estonian Grammar, Uppsala.
U o t i l a, T. 1933, Zur Geschichte des Konsonantismus in der permischen Sprachen, Helsinki.

MAKSIM REVINSKIJ (Moskau)

SYSTEMATISIERUNG IN DER BESCHREIBUNG
FINNISCH-UGRISCHER GRAMMATIKALISierter FLEXIONSaffixe
(AM BEISPIEL DER NOMENFLEXION)

Es besteht die Notwendigkeit, die Grammatikalisierung und deren Ergebnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen theoretisch zu beschreiben. Dazu muss man vor allem 1) Belegmaterial morphologischer Elemente, die auf dem Wege der Grammatikalisierung entstanden sind, sammeln und insbesondere Kriterien festlegen, wonach das eine oder andere Element als grammatikalisiert einzuordnen wäre, 2) Merkmale für eine Klassifikation bestimmen und 3) die Produktivität der grammatikalisierten Elemente erforschen.

Im Artikel werden auch folgende grammatikalisierte Elemente einer Betrachtung unterzogen: das Pluralzeichen permischer Substantive *-jez/-jas/-jos*, die finnischen Postpositionen *päälle* 'auf (wohin)', *päällä* 'auf (wo)' *päältä* 'von', *ympäri* 'um, herum', *kesken* 'mitten, zwischen', die marische Postposition *ончылчо* 'vor', verschiedene finnisch-ugrische Komitativendungen, mehrere komi-permjakische Lokalkasus, der karelische und wepsische Egressiv und Approximativ sowie Elativ und Ablativ.